

© 2016 г.

А.А. СИДОРОВ

“ЕДИНЫЙ МИР” ГЛАЗАМИ РУЗВЕЛЬТА: ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АМЕРИКАНСКИХ ПЛАНОВ ПОСЛЕВОЕННОГО МИРОВОГО УСТРОЙСТВА

Вторая мировая война явилась одним из тех крупных тектонических сдвигов во всемирной истории, который на полвека определил характер развития международных отношений. Вплоть до Первой мировой войны США оставались на периферии “большой политики”. Президенту В. Вильсону, выдвинувшему в начале 1918 г. “14 пунктов”, не удалось убедить своих соотечественников в том, что Америке необходимо взять ответственность за поддержание международной стабильности. Переломить тенденцию к самоизоляции США удалось только администрации во главе с президентом-демократом Ф.Д. Рузвельтом. Закреплению наметившейся тенденции способствовала Вторая мировая война. Бурные события первой половины 40-х годов XX в. существенно повлияли на формирование базовых стратегических концепций, которые до сих пор составляют основу внешнеполитического арсенала США.

Военный бум способствовал выводу экономики США из кризиса, в котором она пребывала в 30-е годы XX в. Расширение боевых действий и взаимное ослабление всех вовлеченных в них держав открывали перед США перспективу установления своей экономической и политической гегемонии в послевоенном мире. “Только одна великая страна, – утверждал в изданной в 1942 г. брошюре бывший американский торговый атташе в Берлине Д. Миллер, – будет обладать производственным оборудованием, сырьем, финансами и энергией для того, чтобы заново выстроить послевоенный мир. Одна Америка будет обладать силой, ресурсами и руководством, которые необходимы для этого... Никто не попытается помешать нам”¹. Издатель популярного журнала “Life” Г.Р. Люс в феврале 1941 г. опубликовал эссе “Американский век”². По мнению автора, XX в. стал первым для Америки “веком, когда она выступает как держава, доминирующая в мире”³. Новый кровавый конфликт в Европе дает шанс реализовать упущенные возможности и “с нашей общей помощью Рузвельт должен добиться успеха там, где потерпел неудачу Вильсон”⁴. Несмотря на то, что по своим политическим взглядам Люс был ближе к Республиканской партии, его статья была в унисон с настроениями, преобладавшими в окружении Ф.Д. Рузвельта.

Тон таким заявлениям задал сам Рузвельт. 3 января 1940 г. в обращении к Конгрессу он заявил, что Америке надлежит сыграть “руководящую роль в тот момент, когда наступит время восстановления всеобщего мира”⁵. Идея глобального “лидерства” США

Сидоров Андрей Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

¹ *Miller D.P.* You Can't Do Business with Hitler. New York, 1942, p. 160.

² *Luce H.R.* The American Century. New York – Toronto, 1941. Русский перевод см.: *Люс Г.Р.* Американский век. – США и Канада: экономика, политика, культура, 2005, № 9, с. 83–95.

³ *Luce H.R.* Op. cit., p. 27.

⁴ *Ibid.*, p. 35.

⁵ *The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt*, 1940. New York, 1941, p. 6.

в послевоенном мире легла в основу разработки внешнеполитических концепций не только демократической администрации, но и всех последующих. Работа по подготовке планов послевоенного мироустройства развернулась в Государственном департаменте и ряде других федеральных ведомств сразу же после заявления президента. К ней были привлечены ведущие эксперты и представители деловых кругов. Уже первые встречи и обмен мнениями продемонстрировали трансформацию образа мышления американской элиты относительно внешнеполитической стратегии и национальной безопасности США. Если во второй половине 30-х годов XX в. в условиях нарастания военной опасности правящие круги страны были полны решимости оставаться в стороне от любого общеевропейского конфликта, который, как они надеялись, не затронет Америку, то с началом войны постепенно стало приходить осознание того, что ее безопасность и благополучие неразрывно связаны с конфигурацией сил за океаном. Успехи германских и японских армий с пугающей очевидностью высветили возможность получения державами “оси” контроля над ресурсами и промышленной инфраструктурой большей части Евразии⁶. По словам Д. Ачесона, занимавшего тогда пост помощника госсекретаря США, немецкий “новый порядок” и японская “сфера процветания” на деле означали, “что ресурсы и население соседних стран были полностью обращены на достижение целей врага и растрачивались с крайней жестокостью”⁷.

Господство на европейском рынке дало бы Берлину мощный рычаг влияния на Южную Америку, особенно на те государства, которые традиционно поставляли на него свою сельскохозяйственную продукцию. Германский блицкриг в странах Бенилюкса и разгром Франции означал, что Аргентина, Чили, Бразилия и Уругвай становились уязвимыми для давления со стороны немцев. Учитывая способность Германии организовать большую часть Европы посредством экономических мер и использовать последние для достижения своих политических и стратегических целей, советники Рузвельта и близкие к администрации представители бизнеса опасались, что правительству США придется принять на себя бремя ответственности за развитие экспортного сектора американской экономики и объединить производителей Западного полушария и Британской империи (если она, конечно, выживет) в мощные картели, способные на равных конкурировать с немецкими и японскими компаниями⁸. Более того, предполагалось, что при таком раскладе, независимо от того, нападет ли Гитлер в обозримом будущем на США или нет, им все равно придется отказаться от своего образа жизни и базовых ценностей и превратиться в “государство-гарнизон”⁹. Неприемлемость подобного исхода была очевидна. США, как утверждал Рузвельт, не могут стать “одиноким островом в мире, где доминирует философия силы. Такой остров представляется мне кошмаром людей, попавших в тюрьму, закованных в кандалы, голодных и изо дня в день получающих через решетку пищу из рук надменных, безжалостных хозяев с других континентов”¹⁰.

Будущая геополитическая конфигурация мира и организация его хозяйственной системы стали ключевыми вопросами, которые потребовали напряженной работы

⁶ Подробнее см.: *Dallek R. Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy, 1932–1945*. New York, 1979, p. 171–313; *Heinrichs W. Threshold of War: Franklin D. Roosevelt and American Entry into World War II*. New York, 1988; *Kimball W.F. Forged in War: Roosevelt, Churchill, and the Second World War*. New York, 1997.

⁷ *Acheson D.G. The War, Rehabilitation, and Lasting Peace*. – Department of State Bulletin, 18.XII.1943, p. 421.

⁸ National Foreign Trade Council. Report of the Twenty-Seventh National Foreign Trade Convention. New York, 1940, p. 13–16; *Staley E. The Myth of the Continents*. – Foreign Affairs, April 1941, p. 481–495; *Berle A.A., jr. Navigating the Rapids, 1918–1971: From the Papers of Adolf A. Berle*. New York, 1973, p. 318–347.

⁹ *Ninkovich F. Modernity and Power: A History of the Domino Theory*. Chicago, 1994, p. 112–122; *Lamberton H.J. American Visions of Europe: Franklin D. Roosevelt, George F. Kennan, and Dean G. Acheson*. New York, 1994, p. 63–76.

¹⁰ The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt, 1940, p. 281.

представителей государственных органов, деловых кругов и научного сообщества. По согласованию с Госдепом самое активное участие в ней принял мозговой трест “восточного истеблишмента” – нью-йоркский Совет по международным отношениям (СМО), который при Рузвельте оказывал влияние на формирование внешнеполитической стратегии США¹¹. Под его эгидой летом 1940 г., сразу после капитуляции Франции, при финансовой поддержке со стороны “Фонда Рокфеллера” началась разработка “Проекта по изучению войны и мира”¹². Первоначальный анализ показал, что в случае установления державами “оси” гегемонии в Евразии, США окажутся в столь затруднительном положении, что им придется пожертвовать не только относительным материальным благополучием своих граждан, но и частью политических свобод. Германское влияние распространится на Южную Америку. В то же время анализ СМО выявил, что рынок Западного полушария слишком узок для растущей американской промышленности. На прошедшей в октябре 1940 г. встрече участников “Проекта” с одним из главных экспертов по послевоенным проблемам в Госдепе Л. Пасвольски собравшиеся пришли к выводу, что в случае оккупации немцами континентальной Европы, США должны будут попытаться расширить свое “жизненное пространство” путем интеграции с государствами тихоокеанского бассейна, нуждавшимися в американских товарах и оборудовании. Проблема реализации избыточного сельскохозяйственного производства решалась подключением Англии, бывшей тогда одним из крупнейших потребителей импортного продовольствия¹³.

Выводы и рекомендации экспертов легли в основу разработанной СМО концепции “большого пространства” – программы интеграции “негерманского мира” как первоначального ядра американоцентричной структуры мирового хозяйства. С точки зрения ее творцов, минимальное “жизненное пространство” США должно было включать Западное полушарие, Великобританию и ее колонии, голландскую Ист-Индию, Японию и Китай. Самодостаточность очерченного ареала составляла по импорту 79%, а по экспорту – 86% от общего объема торговли входивших в него стран, что превышало соответствующие показатели для Европы (69 и 79%). В суммированном виде роль “большого пространства” в экономической, политической и военной стратегии США нашла отражение в подготовленном СМО для Рузвельта и руководства Госдепартамента меморандуме E-B34 от 24 июля 1941 г.¹⁴

Таким образом, два базовых элемента послевоенной американской стратегии сложились еще до 7 декабря 1941 г., когда, нанеся удар по Тихоокеанскому флоту США в Перл-Харборе, Япония вынудила их вступить в войну. Во-первых, оценивая размеры угрозы со стороны Германии, в Вашингтоне пришли к заключению, что США впредь не должны допускать доминирования в Евразии какой-либо державы или созданной ею коалиции, которая, опираясь на громадные ресурсы континента, будет способна бросить вызов Америке¹⁵. Во-вторых, необходимо сформировать новый международный экономический порядок, который будет благоприятствовать свободному перемещению американских товаров и капиталов.

Первоначально “большое пространство” мыслилось как совместное англо-американское предприятие. Причем функции партнеров в нем четко разграничивались: Англия, впервые в ее истории оказавшаяся в роли воюющей державы без единого союзника, должна была вести бои с противником, какого она не знала со времен Наполеона, а США благодаря их мощному промышленному потенциалу – стать, как выразился

¹¹ Grigg W.N. Freedom on the Altar: The UN's Crusade against God and Family. Appleton (WI), 1995, p. 22.

¹² Об истории создания “Проекта” см.: Schulzinger R.D. The Wise Men of Foreign Affairs. The History of the Council on Foreign Relations. New York, 1984, p. 63–64.

¹³ Shoup L.H., Minter W. Imperial Brain Trust: The Council on Foreign Relations and U.S. Foreign Policy. New York, 1977, p. 129–131.

¹⁴ Ibid., p. 127–128, 135–136.

¹⁵ Notter H.A. Postwar Foreign Policy Preparation, 1939–1945. Washington, 1949, p. 128.

Рузвельт в речи по радио 29 декабря 1940 г., “великим арсеналом демократии”¹⁶. Памятуя о печальном для Америки опыте невыполнения Англией и другими союзными государствами долговых обязательств после Первой мировой войны, Рузвельт и его окружение не склонны были ссужать ее деньгами. Для США, по их мнению, предпочтительнее было самим производить вооружения и поставлять их Англии, но не в качестве дара, а в обмен на определенные “статьи”, получаемые от Британской империи наряду с подлежащими возврату неповрежденными или неиспользованными материалами¹⁷. Рузвельт образно сравнил свой план помощи Англии со спасением объятых пламенем дома соседа путем передачи ему взаймы садового шланга¹⁸.

Идея президента нашла свое воплощение в принятом в марте 1941 г. законе о ленд-лизе. В конце 1940 – начале 1941 г., когда билль составлялся и проходил через Конгресс, появилось немало планов, согласно которым Англии предлагалось продать ее прямые инвестиции в США, ценности в Южной Америке, запасы виски и шерсти, созданные с целью экспорта в Америку¹⁹. Великобритания должна была также использовать все свои наличные золотые резервы. Если накануне войны валютные запасы Англии составляли 4,4 млрд долл., то в апреле 1941 г. они выражались суммой, имевшей чисто символическое значение, – 12 млн долларов²⁰. Правительство У. Черчилля вначале сопротивлялось, но в январе 1941 г. пошло на переговоры о реализации части своих инвестиций в США на сумму 100 млн долл., а затем согласилось на передачу Вашингтону данных об имперских финансовых ресурсах²¹. Кроме того, еще в сентябре 1940 г. было заключено соглашение о поставке 50 устаревших американских эсминцев в обмен на право создания военных баз в британских владениях в Западном полушарии.

Некоторые американские деятели шли еще дальше, требуя передачи под контроль США таких бастионов английской мощи, как Гибралтар, Сингапур, Суэц и Фолклендские острова, а также их участия в развитии ресурсов Британской империи²². Позднее в урегулировании чувствительного для Англии колониального вопроса США выдвигали идею деколонизации и “международной опеки” бывших колоний. Программа помощи стала, таким образом, средством давления, отражавшим стремление США возглавить англо-саксонский блок или любое иное объединение держав. Только отчаянное военное и финансовое положение, в котором находился “гордый Альбион” в 1939–1941 гг., вынуждало Лондон идти на сотрудничество с США на таких условиях. С нападением гитлеровской Германии на СССР 22 июня 1941 г. военное давление на Англию существенно снизилось, и она могла более уверенно вести диалог с США.

Американо-британское согласие по общим проблемам послевоенного устройства нашло воплощение в Атлантической хартии, подписанной Рузвельтом и Черчиллем 14 августа 1941 г. Оба правительства декларировали отказ от территориальных захватов, обещали содействовать восстановлению суверенитета оккупированных стран, признавали право народов избирать форму правления. Хартия призывала к послевоенному сотрудничеству государств, к отказу от применения силы в международных отношениях и созданию более открытой международной экономической системы. Хотя последнее положение, дабы не раздражать британцев, весьма болезненно относившихся ко всему, что касалось системы “имперских преференций”, было сформулировано весьма туманно: в качестве одной из послевоенных задач выдвигалось обеспечение доступа “на равных основаниях к торговле и к мировым сырьевым источникам”²³.

¹⁶ Hull C. The Memoirs of Cordell Hull, v. 1. New York, 1948, p. 873.

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца, в 2-х т. М., 1958, т. 1, с. 387.

¹⁹ Hancock W.K., Growing M.M. British War Economy. London, 1949, p. 233.

²⁰ Ibid., p. 232; McNeill W.H. America, Britain and Russia. Their Cooperation and Conflict 1941–1946. New York, 1953, p. 773.

²¹ Hall H.D. North American Supply. London, 1955, p. 274.

²² Current History, July 1942, p. 329–334.

²³ Dallek R. Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy, 1932–1945. New York, 1979, p. 282–284.

Провозглашая в Атлантической хартии “свободный доступ” ко всем рынкам, Черчилль впоследствии постарался выхолостить этот принцип, но у Белого дома хватило решимости настоять на своем. В Вашингтоне явно не желали упускать прекрасную возможность обеспечить себе экономическое доминирование в глобальном масштабе и уж тем более делить место лидера с кем бы то ни было. Отношение большинства американских планировщиков к партнеру по коалиции лучше всего отражают слова помощника госсекретаря А. Берли, профессионального экономиста, который открыто враждебно относился к Великобритании. В октябре 1940 г. он писал: “Вопрос о взаимодействии с британцами... требует определенных раздумий. В годы [Первой] мировой войны мы присоединились к английскому лагерю таким образом, что практически стали дополнением к британской военной машине. Такое же положение сохранялось и после войны, а в результате мы не получили ничего из того, чего действительно желали при достижении мира. На этот раз, как мне кажется, дело должно быть сделано по-другому. Мы обладаем максимальной силой. У нас также есть общая согласованность принципов. Мы неизбежно будем экономическим центром режима, который возникнет, – если, конечно, мы все не погибнем”²⁴.

Своего пика англо-американское сотрудничество достигло на конференции в Касабланке в январе 1943 г., проходившей через два месяца после высадки американских войск в Северной Африке, когда они приняли, наконец, непосредственное участие в войне с Гитлером. Безоговорочная капитуляция, декларация о которой была принята в Касабланке, должна была покончить с Германией как великой державой, в то время как СССР, по мнению политиков в Вашингтоне и Лондоне, будет слишком истощен войной, чтобы бросить вызов гегемонии англо-саксонских стран²⁵. Однако начавшая поступать вскоре после конференции информация об итогах Сталинградской битвы и последующие успехи Красной Армии привели к тому, что после Касабланки разговоры о совместном с англичанами управлении миром в США прекратились, уступив место глубокой озабоченности относительно той роли, которую после войны будет играть СССР.

С начала 1943 г. в США стала вырабатываться новая концепция послевоенного мирового устройства. Она никогда не была изложена в виде программы, а представляла собой комплекс мер, объединенных затем в литературе под названием “единый мир”²⁶. “One World” – так называлась изданная в Нью-Йорке весной 1943 г. книга бывшего соперника Рузвельта на выборах 1940 г., республиканца У. Уилки, в которой автор, рассматривая вопросы послевоенных международных отношений, безоговорочно поддержал внешнеполитическую линию администрации²⁷. Книга вызвала живой интерес общественности. Миллион экземпляров был распродан всего за семь недель²⁸. Впоследствии высказанные Уилки мысли пропагандировались либеральными демократами.

Политические основы “единого мира” представлялись Рузвельту и его окружению в виде естественного продолжения военного сотрудничества ведущих государств антигитлеровской коалиции. К началу Тегеранской конференции “большой тройки” в ноябре 1943 г. американские эксперты сформулировали концепцию “четырех полицейских”, в число которых, наряду с США и Великобританией, должны были войти Китай и СССР. Сын президента, Э. Рузвельт, впоследствии вспоминал, как в сентябре 1943 г. отец объяснял ему свой выбор: “Даже в нашем союзе с Англией... заложена опасность: Китай и Россия могут подумать, что мы полностью поддерживаем английскую внешнюю политику... Он сосредоточенно чертил на бумаге очень большую

²⁴ *Berle A.A., jr. Op. cit., p. 232.*

²⁵ *Kimball W. The Juggler. Franklin D. Roosevelt as Wartime Statesman. Princeton, 1991, p. 70, 76–77.*

²⁶ *Larres K. Making Europe Strong Again: Churchill, the United States, and the Creation of a New European Order. – The Special Relationship: La ‘Relation Spéciale’ Entre le Royaume-Uni et les États-Unis. Rouen, 2003, p. 19–42.*

²⁷ *Willkie W. One World. New York, 1943.*

²⁸ *Reynolds D. One World Divisible. A Global History Since 1945. New York, 2001, p. 1.*

цифру “4” со всевозможными завитушками. – Соединенные Штаты должны будут взять на себя руководство, – сказал он, – руководить и действовать в качестве посредника, примиряя и улаживая противоречия, возникающие между остальными – между Россией и Англией в Европе; между Британской империей и Китаем и между Китаем и Россией на Дальнем Востоке. Мы сумеем играть такую роль, – продолжал он, – потому что мы велики и сильны, потому что у нас есть все, что нам нужно. Англия сейчас на ущербе; Китай все еще живет в восемнадцатом веке; Россия относится к нам с подозрением и вызывает у нас подозрения на свой счет. Америка – единственная из великих держав, которая может закрепить мир во всем мире”²⁹.

Контуры новой политической конструкции были довольно просты: державы-победительницы – США, Великобритания, СССР и Китай – должны были выступать в роли “стражей порядка”, “гарантов” сохранения вселенского мира, Германия и Япония – деиндустриализироваться, колониальные империи – расформироваться, а все остальные страны – разоружаться. Для осуществления указанных принципов предусматривалось создание всеобщей международной организации типа Лиги наций, проект которой разрабатывался учрежденным по инициативе Хэлла в феврале 1942 г. Президентским консультативным комитетом по послевоенной внешней политике³⁰. Ее структура включала три главных элемента: Генеральную Ассамблею, созывавшуюся раз в год и выполнявшую роль “клапана для выпуска пара”; исполнительный комитет, в который входили представители четырех держав, сообща принимавших важнейшие решения; и собиравшийся по мере надобности совет консультантов, состоявший из представителей “четверки” и делегатов еще 6–8 стран³¹. Как заметил Г. Киссинджер, “концепция “четырёх полицейских” напоминала Священный союз Меттерниха, хотя американских либералов охватил бы ужас, уясни они это. Обе системы представляли собой попытку сохранить мир при помощи коалиции победителей-единомышленников”³².

В конечном счете с дополнениями и изменениями американский проект нашел свое воплощение в Организации Объединенных Наций (ООН), устав которой был принят на конференции в Сан-Франциско в июне 1945 г. Создание ООН и размещение ее на американской земле было важной дипломатической победой США. Однако само по себе наличие международной структуры, в рамках которой предполагалось развивать сотрудничество четырех держав-лидеров, вовсе не устраняло возможность возникновения конфликтов между самими “стражами порядка”. Ключевую роль в удержании партнеров от искушения бросить вызов США и пересмотреть свое положение в “большой четверке” в Вашингтоне отводили экономическим факторам. “Материальную” основу послевоенного мирового порядка, по замыслу вашингтонских стратегов, должна была составлять единая валютно-финансовая система, основная роль в которой отводилась доллару. Наряду с ней предполагалось создать систему многосторонней торговли и осуществить радикальное изменение прежней структуры мирохозяйственных связей путем разрушения колониальной периферии европейских государств, деиндустриализации традиционных промышленных центров, в первую очередь германского, и “индустриальной накачки” с помощью американских капиталов новых.

Хорошо известно, что валютная система не является политически нейтральным механизмом. Ее характер, как правило, во многом определяется страной, сумевшей занять ведущее положение в структуре мировых хозяйственных связей. Так, в XIX в., в эпоху господства золотого стандарта, валютно-финансовый режим отражал интересы Англии.

²⁹ Рузвельт Э. Его глазами. М., 1947, с. 206.

³⁰ Kah G.H. En Route to Global Occupation. Lafayette (LA), 1991, p. 36–37.

³¹ Welles S. Seven Major Decisions. London, 1951, p. 178–179; Foreign Relations of the United States (далее – FRUS), 1943, v. 3. Washington, 1963, p. 39; Eden A. The Memoirs of Anthony Eden: The Reckoning. Boston, 1965, p. 46–57; Кимболл У.Ф. “Семейный круг”: послевоенный мир глазами Рузвельта. – Вопросы истории, 1990, № 12, с. 5.

³² Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997, с. 357.

К началу XX в. рост новых индустриальных держав заметно ослабил основы ее лидерства, но в силу инерции британское превосходство в финансовой сфере сохранялось еще долго и окончательно было подорвано лишь в эпоху “великой депрессии”. В период Второй мировой войны планы создания новой системы обдумывали многие. В июле 1940 г. президент Рейхсбанка В. Функ выдвинул план восстановления экономики Европы, в основе которого лежала идея валютного клиринга и фиксации других валют в отношении рейхсмарки³³.

Стремясь перехватить инициативу у немцев, британское правительство также начало разработку плана послевоенного валютного устройства. С конца 1940 г. этим вопросом занялся Дж.М. Кейнс, являвшийся тогда советником британского Казначейства. Он предвидел, что после войны Великобритании придется столкнуться с такими проблемами, как дефицит торгового баланса, трудности обслуживания внешнего долга, отсутствие золотых резервов для покрытия накопленных другими странами стерлинговых резервов. По мысли Кейнса, Великобритания должна была завершить войну с жестким валютным контролем, системой двустороннего клиринга и платежных соглашений. Исходя из этого, он к концу 1941 г. разработал первый вариант плана, который затем многократно переделывался. Лишь в августе 1942 г. Кейнс передал в Казначейство более-менее целостный проект.

Для урегулирования отношений в валютно-кредитной сфере после окончания войны Кейнс предлагал создать Международный клиринговый союз (МКС). Страна, пожелавшая стать его членом, была бы представлена в нем своим центральным банком или приравненным к нему органом. МКС получал свою безналичную валюту, которую по сочетанию первых слогов французских слов “банк” и “золото” Кейнс назвал “банк-кор”. Она фиксировалась по отношению к золоту и должна была приниматься как его эквивалент всеми членами МКС. Руководство им должно было осуществлять правление, где наибольшим числом голосов обладал представитель страны, располагавшей самой крупной квотой. Англия и США, считаясь государствами-основателями, занимали особое место и могли, в частности, установить первоначальный паритет своих валют, выраженный в “банкорах”, и отношение последнего к золоту. План Кейнса предусматривал сохранение валютных зон, в первую очередь стерлинговой³⁴.

Американским визави Кейнса оказался сотрудник Министерства финансов Г.Д. Уайт. Именно ему 14 декабря 1941 г., т.е. через неделю после Перл-Харбора, министр финансов Г. Моргентау поручил составить “меморандум и план создания Межсоюзнического стабилизационного фонда”³⁵. Две недели спустя Уайт представил 12-страничный меморандум, в котором рекомендовал еще до окончания войны учредить два отдельных института – Межсоюзнический банк и Межсоюзнический стабилизационный фонд. Получив одобрение, к маю 1942 г. Уайт подготовил обширный “предварительный проект”, в котором четко определил задачи обоих органов. Если банк был призван обеспечивать долгосрочное кредитование своих членов, а также служить посредником между частным капиталом стран-кредиторов и получателей, то смысл деятельности фонда сводился к предоставлению входившим в него государствам иностранной валюты для покрытия временных разрывов в платежном балансе.

Первоначально Уайт не предполагал создавать какую-либо международную валюту. Но его позиция не совпадала с точкой зрения Моргентау, считавшего, что фонд должен иметь свою безналичную валютную единицу. Так появилась идея создания валютной единицы под названием “унитас”, стоимость которой приравнивалась к 10 долларам³⁶. Некоторые исследователи полагают, что для Уайта идея создания унитас была не более, чем реплика на концепцию Кейнса³⁷. На самом деле его в то время все больше занимала

³³ *Dormael A. van.* Bretton Woods: Birth of a Monetary System. New York, 1978, p. 5–6.

³⁴ *Harrod R.* The Life of John Maynard Keynes. New York, 1951, p. 525–585.

³⁵ *Dormael A. van.* Op. cit., p. 40.

³⁶ *Mikesell R.F.* The Bretton Woods Debates: A Memoir. (Essays in International Finance, № 192). Princeton (NJ), 1994, p. 7.

³⁷ *Boughton J.M.* Why White, Not Keynes? Inventing the Postwar International Monetary System. Washington, DC, 2002, p. 16.

мысль поставить в центр послевоенной валютной системы не некую “безродную” единицу, а базировавшийся на прочном золотом фундаменте доллар.

В августе 1942 г. Вашингтон и Лондон обменялись планами. Тогда же начались переговоры, которые протекали трудно из-за принципиальных различий между двумя проектами. В итоге стороны договорились по вопросу о целях стабилизационного фонда и о принципах его работы. Однако по поводу свободного обмена валют по стабильным курсам, т.е. по главному вопросу, полного понимания достигнуто не было. 7 апреля 1943 г. оба проекта были преданы гласности³⁸. Дискуссии продолжались до весны 1944 г., но все яснее становилось, что главным архитектором и финансистом послевоенного мира будут США. Уайт знал, что сила на его стороне и использовал ее с максимальной выгодой. В конечном итоге британцы приняли план Кейнса, внося в него ряд важных поправок. Фонд должен был выступать пассивным игроком валютного рынка, не мог оперировать национальными валютами и проводить эмиссию унитасов. Объем его ресурсов увеличивался до 10 млрд долл. 12,5% его уставного капитала должно было составлять золото, а остальное – ценные бумаги государств-членов³⁹. К апрелю 1944 г. американские и британские переговорщики, наконец, достигли соглашения по совместному заявлению о принципах, в котором обрисовывались цели и механизмы действия фонда.

Моргентау и Уайт хотели, чтобы оно было одновременно опубликовано 21 апреля 1944 г. в Вашингтоне, Лондоне, Москве и Чунцине, а также в ряде столиц латиноамериканских стран. Однако союзники не спешили. Англичане удалось уломать, а в СССР все еще “изучали” проект. Хотя СССР изначально не проявлял большого интереса к планам валютной стабилизации, в Вашингтоне считали, что по политическим мотивам было важно добиться его присоединения к совместному заявлению. За четыре дня до установленной даты публикации Моргентау пошел на уловку, сообщив советскому наркому финансов, что англичане уже дали свое согласие на нее, хотя реально получить его удалось только 20 апреля. Утром следующего дня он получил положительный ответ из Москвы. После обнародования заявления, ничто уже не препятствовало проведению международной конференции⁴⁰.

Конференция состоялась 1–22 июля 1944 г. в курортном местечке Бреттон-Вудс в американском штате Нью-Хэмпшир. В ней приняло участие 730 представителей из 44 стран. В приветственном послании ее участникам Рузвельт отмечал: “Программа, которую вам предстоит обсудить, составляет, конечно, лишь одну фазу мероприятий, которые должны быть проведены странами, чтобы создать стабильный и гармоничный мир. Однако это важнейшая фаза, затрагивающая обыкновенных людей повсюду, поскольку она касается основы, на которой они смогут обмениваться друг с другом богатствами своей земли и продуктами своей промышленности и изобретательности”⁴¹.

Главные споры на конференции велись вокруг величины квоты, которую каждая страна должна была внести в фонд, и льгот, которые требовал для себя СССР и другие пострадавшие от войны страны. Англичане снова подняли вопрос о мере “гибкости” валют и условиях, при которых каждая страна могла изменить курс своей валюты. Представители Египта и Индии пытались обсудить вопрос об оплате накопившихся стерлинговых резервов золотом, но англичане приложили все усилия, чтобы вынести его за скобки дискуссии. С большим трудом делегации США удалось добиться консенсуса⁴². 22 июля все страны-участницы конференции, включая СССР, подписали Заключительный акт, зафиксировавший достигнутые на ней договоренности⁴³.

³⁸ Dormael A. van. Op. cit., p. 76–77.

³⁹ Mouseev C.P. Как устроить мир после войны. – Валютный спекулянт, 2004, № 8, с. 83–85.

⁴⁰ Dormael A. van. Op. cit., p. 135–140.

⁴¹ Proceedings and Documents of United Nations Monetary and Financial Conference, Bretton Woods, N.H., July 1–22, 1944, 2 v. Washington, 1948, v. 1, p. 71.

⁴² Будс Р.Б. Бреттон-Вудская конференция Объединенных Наций в 1944 г. (к истории создания Международного валютного фонда и Международного банка реконструкции и развития). – Новая и новейшая история, 1992, № 2.

⁴³ United Nations Monetary and Financial Conference: Bretton Woods, Final Act and Related Documents, New Hampshire, July 1 to July 22, 1944. Washington, DC, 1944, p. 11–27.

Важнейшими среди них стали признание американского доллара в качестве международного платежного средства и введение твердых курсов. Хотя в конечном счете в основе новой системы лежало золото, она опиралась на него через доллар США. Цена золота в долларах признавалась неизменной (1 тройская унция – 35 долл.). Вашингтон взял на себя обязательство свободно продавать золото на доллары другим странам. Последние могли покупать доллары за свою валюту по фиксированному курсу обмена, а затем использовать доллары для покупки золота по указанной цене. Во избежание истощения золотых запасов США бреттон-вудские соглашения предусматривали обязательство стран-участниц поддерживать цену золота на означенном уровне, не допуская отклонения в ту или другую сторону более чем на 1%. Все они признавали свою валюту конвертируемой, т.е. обязались обменивать ее на золото на тех же условиях, что и США. Отсюда вытекало, что валюты стран-участниц должны были иметь фиксированный золотой паритет. Поскольку отношение доллара к золоту являлось константой, то и паритет других валют стал выражаться как отношение к доллару. Одновременно создавались обеспечивающие функционирование системы институты – Международный валютный фонд (МВФ) и Международный банк реконструкции и развития (МБРР)⁴⁴.

Такая система приносила США весьма существенные выгоды. Благодаря превращению доллара в международную денежную единицу американское правительство, полностью контролировавшее эмиссию долларов как национальной валюты, получило возможность использовать их вместо золота для погашения расходов, например, по различным программам “помощи”, военным проектам и иным финансовым операциям за рубежом. Определенная зависимость от доллара валют других государств связывало развитие их экономики с хозяйственной политикой правительства США (например, чрезмерная эмиссия долларов, вызвав инфляцию внутри страны, могла породить ее и в других странах). Более того, в соглашениях фиксировалось, что, если та или иная страна не может удержать курс своей валюты в рамках допустимого отклонения от установленного отношения к доллару, она по требованию МВФ должна произвести официальное изменение ее паритета. Американские представители заняли ключевые позиции в руководящих органах МВФ, где голоса распределялись в зависимости от величины квоты.

Параллельно с обсуждением валютных вопросов в Вашингтоне разрабатывались планы либерализации торговых отношений путем создания системы многосторонней торговли, ключевым элементом которой должна была стать Международная торговая организация (МТО). Перспективы ее образования стали обсуждаться уже в 1943 г. в рамках англо-американских семинаров по торговле, проводившихся в соответствии со статьей 7 закона о ленд-лизе. Сразу же возникли разногласия. Американцы представляли себе МТО в виде расширенного варианта Соглашения о взаимной торговле 1936 г. Британские эксперты предлагали проект многосторонней конвенции, содержащей в себе некий кодекс поведения и структуру организации, которая следила бы за его выполнением. К началу конференции в Бреттон-Вудсе договориться не удалось. Тем не менее переговоры о создании такой организации и на снижение торговых барьеров продолжались и после ее завершения. Лишь в декабре 1945 г. США и Великобритания представили свои предложения, на основе которых и должны были начаться переговоры по созданию МТО. Но главным итогом этих усилий стала не организация, а Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ)⁴⁵.

Болезненным вопросом в англо-американских отношениях стало стремление США изменить прежнюю структуру мирохозяйственных связей, разрушив колониальные империи европейских держав. На одной из первых встреч с Черчиллем Рузвельт заявил: “Не могу поверить, что мы можем вести войну против фашистского рабства и в то же время бездействовать в деле освобождения людей по всему миру от последствий

⁴⁴ Стадниченко А.И. Валютный кризис капитализма. М., 1970, с. 92–101.

⁴⁵ Krueger A.O. Whither the World Bank and the IMF? – Journal of Economic Literature, December 1998, p. 2017.

отсталой колониальной политики”⁴⁶. В завуалированной форме позиция США нашла отражение в Атлантической хартии, где говорилось о необходимости содействия “восстановлению суверенных прав и самоуправления тех народов, которые были лишены этого насильственным путем”⁴⁷. Лондон сразу же поспешил уточнить, что речь идет не о британских колониях, а об оккупированных государствах Европы (выступление Черчилля в парламенте 9 сентября 1941 г.). Англо-американские дебаты по поводу колониализма на этом не закончились, но практических последствий вплоть до самого конца войны не имели.

Если колониальный вопрос вызывал острые противоречия между двумя англо-саксонскими державами, то в отношении будущего германской индустрии между ними существовало почти полное согласие. Еще в ноябре 1941 г. в беседе с советским послом в Лондоне И.М. Майским Черчилль высказал идею о деиндустриализации и расчленении Германии, а в декабре изложил ее Рузвельту⁴⁸. Идея явно импонировала влиятельным кругам в США и Англии, видевшим в ее реализации избавление от сильного конкурента на мировом рынке. Данный вопрос изучался Президентским консультативным комитетом по послевоенной внешней политике. Итогом его деятельности стал “план Morgenthau”, который появился в 1944 г. Суть его сводилась к уничтожению тяжелой промышленности Германии и превращению ее в “поле для выращивания брюквы” с одновременным изъятием в пользу Польши и Франции ряда приграничных областей и расчленением ее на два государства – южно- и северо-германское. Рур, окружавшие его промышленные области, Кильский канал и территории к северу от него должны были перейти под международный контроль⁴⁹. Характерно, что почти аналогичные мероприятия должны были проводиться и в менее индустриально развитой Японии⁵⁰.

В случае деиндустриализации Германии и Японии и с учетом ослабления Франции из числа великих европейских держав свой статус сохраняла лишь одна Великобритания, которая становилась по сути главным “полицейским” Европы. На второй Квебекской конференции в сентябре 1944 г. Рузвельт и Черчилль одобрили план. Против него сразу же выступили госсекретарь Хэлл и военный министр Г. Стимсон. Острые дебаты, обсуждение в печати и предвыборная гонка вынудили Рузвельта смягчить свою позицию⁵¹. На Ялтинской конференции в феврале 1945 г. он вновь вернулся к обсуждению “плана”, но не нашел понимания у Сталина, который полагал, что вся Германия может быть оккупирована советскими войсками. В целом СССР настаивал на декартелизации, а не на деиндустриализации Германии⁵².

В то же время в Вашингтоне хорошо понимали, что даже при огромном потенциале американской экономики справиться в одиночку с задачей восстановления мирового хозяйства США не под силу. В ближайшей перспективе перед ними стояла задача загрузки созданных в годы войны производственных мощностей. Выход из создавшегося положения виделся в образовании новых индустриальных центров, в частности, в Южной Америке и особенно в Китае. “Наша главная цель в Китае, – отмечалось в поданном в апреле 1945 г. президенту меморандуме Госдепартамента, – создание сильного и объединенного Китая в качестве главного стабилизирующего фактора на Дальнем Востоке...

⁴⁶ Цит. по: *Louis W.R. Imperialism at Bay: The United States and the Decolonization of the British Empire, 1941–1945.* New York, 1978, p. 121.

⁴⁷ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 1. М., 1946, с. 165.

⁴⁸ *Филитов А.М.* Германский вопрос. От раскола к объединению. Новое прочтение. М., 1993, с. 9–14.

⁴⁹ *Morgenthau H.* Germany is Our Problem. New York – London, 1945; *Kimball W.F.* Swords or Ploughshares? The Morgenthau Plan for Defeated Nazi Germany, 1943–1946. New York, 1976.

⁵⁰ *Shaller M.* The American Occupation of Japan. The Origins of the Cold War in Asia. New York, 1985, p. 35–38.

⁵¹ *Rostow W.W.* The United States in the World Arena. New York, 1964, p. 99.

⁵² *Висков С.И., Кульбакин В.Д.* Союзники и “германский вопрос” (1945–1949 гг.). М., 1990, с. 17–24.

Логика подсказывает, что для этого необходимо помочь Китаю создать современную и эффективную экономическую и военную организацию”⁵³. Часть вложенных в Китай и латиноамериканские страны долларов шла бы на приобретение ими товаров в Европе, а на полученную таким путем валюту европейцы могли бы закупать нужную им продукцию в Америке. Таким образом, структура мирового хозяйства заметно меняла свои довоенные очертания, уходя от прежней европоцентричной. С вовлечением Англии и индустриализацией Китая США получали две точки опоры – в Европе и Азии.

В качестве экономического партнера в глазах американских планировщиков выступал и СССР, на емкий рынок и богатые природные ресурсы которого в Вашингтоне всерьез рассчитывали. Так, например, в январе 1945 г. Моргентаву в меморандуме президенту указывал на возможность предоставления СССР займа в 10 млрд долл. “Чрезвычайно важно, – подчеркивал автор, – что при этом мы сохраним наши истощенные естественные ресурсы и будем получать из огромных ресурсов России сырье, необходимое для нашей промышленности. В соглашение о займе мы внесем условие, по которому мы будем требовать от России производства любого сырья, не давая со своей стороны гарантий, что мы обязательно приобретем его”⁵⁴. Стремясь вовлечь СССР в будущие международные экономические и финансовые организации, такие как МВФ и МБРР и при этом значительно расширить масштабы советско-американской торговли, Вашингтон специально так формулировал свои предложения о структуре и функциях этих институтов, чтобы они были приемлемы и для стран с централизованной экономикой⁵⁵.

Осуществление “великого замысла”, как называл американский план послевоенного мирового устройства сам Рузвельт⁵⁶, во многом зависело от согласия союзников. Что касается Китая, то, по мнению американских стратегов, здесь можно было надеяться на успех. Во-первых, концепция “единого мира” предполагала замену им Японии в качестве основной державы в Восточной Азии, что, по идее, должно было бы настроить Чан Кайши и других китайских лидеров в пользу союза с США. Во-вторых, Вашингтон рассчитывал, что после окончания войны американские части останутся в достаточном количестве в Китае и вблизи его границ и будут способны подобающим образом влиять на послевоенную политику “Поднебесной”⁵⁷. В августе-сентябре 1945 г. по договору с Чан Кайши в китайские порты прибыла американская морская пехота (около 90 тыс. человек).

Учитывая расстановку сил внутри британского правящего класса, Рузвельт мог рассчитывать на высокую степень сотрудничества со стороны англичан. Часть английской элиты – “имперские изоляционисты” во главе с министром авиационной промышленности лордом Бивербруком и госсекретарем по делам Индии Л. Эмери – выступали против предлагаемой американцами системы многосторонней торговли, утверждая, что после войны экономика страны потребует применения протекционистских мер, чтобы вновь стать конкурентоспособной⁵⁸. Однако гораздо более влиятельной была точка зрения, согласно которой Англия значительно выиграет от расширения торговли и в союзе с США сохранит свой статус великой державы. Сторонники новой “Антанты” англосаксонских стран утверждали, что ни ослабленная войной Европа, ни само Британское Содружество, в котором доминионы больше считались с Вашингтоном, чем с Лондоном, не смогут стать базой для сохранения за Великобританией ее статуса⁵⁹. Посему альтер-

⁵³ United States Relations with China with Special Reference to the Period 1944–1949. United States Department of State Publication № 3573. Washington, 1949, p. 10.

⁵⁴ U.S. News and World Report, 8.IV.1945.

⁵⁵ Батюк В.И. Истоки “холодной войны”: советско-американские отношения в 1945–1950 гг. М., 1992, с. 8; Буда П. Указ. соч., с. 17.

⁵⁶ Craig G., George A. Force and Statecraft. Diplomatic Problems of our Time. New York, 1983, p. 104.

⁵⁷ Kimball W. The Juggler, p. 87.

⁵⁸ Буда П. Указ. соч., с. 16.

⁵⁹ Ryan H.B. The Vision of Anglo-America. The U.S.-U.K. Alliance and the Emerging Cold War, 1943–1946. Cambridge, 1987, p. 16.

нативы союзу с Америкой, по их мнению, не было. Открытым лишь оставался вопрос об условиях подобного союза. Англичане были весьма заинтересованы в получении максимальной экономической помощи как по линии международных организаций, так и прямо от США. Американцы частично пошли на уступки своему союзнику⁶⁰.

Главной проблемой для Рузвельта был СССР – “можно ли сотрудничать с Россией сейчас и после войны”, как вспоминал потом Иден⁶¹. Оказывать давление на Сталина с целью вынудить его принять американский вариант послевоенного мирового устройства, пока продолжались боевые действия, было, по мнению вашингтонских стратегов, неразумно и даже опасно. Сначала США и Англия боялись, что Сталин может пойти на сепаратный мир с Гитлером⁶². Затем затяжка с открытием второго фронта в Европе обусловила продвижение советских войск далеко на запад, что заставляло американцев придерживаться сочувственного и даже поощрительного отношения к послевоенным устремлениям СССР. А его желания – установление советской зоны влияния в Восточной Европе – были хорошо известны. Сталин сам изложил их британскому министру иностранных дел А. Идену еще в конце 1941 г. во время его визита в Москву⁶³. Сначала Рузвельт рассчитывал, что СССР ослабнет к концу войны и будет сговорчивей. Позднее он шел на уступки только в тех регионах, где в результате побед Красной Армии соотношение сил складывалось в пользу СССР.

В конце 1944 г., когда военное поражение гитлеровской Германии уже не вызывало никаких сомнений, США начали постепенно менять тактику в отношениях с СССР. Глава военной миссии США в Москве генерал Дж. Дин рекомендовал Вашингтону ввиду улучшения военного положения СССР пересмотреть политику поставок ему по ленд-лизу. На принятии более “твердой” линии настаивал и американский посол в Москве Аверелл Гарриман. Осенью 1944 г. он телеграфировал: “Экономическая помощь СССР... является одним из наших основных рычагов для того, чтобы воздействовать на их политику в направлении, больше соответствующем нашим принципам”⁶⁴. Иными словами, элементы послевоенной доктрины “сдерживания враждебных устремлений Советского Союза” закладывались еще в рамках концепции “единого мира”. Они еще более усилились после смерти Рузвельта 12 апреля 1945 г. и прихода к власти Г.Ш. Трумэна. Уже на одном из первых совещаний новый глава Белого дома заявил о своей решимости занять “жесткую позицию” в отношении СССР.

Стремление американских правящих кругов обеспечить США лидирующие позиции в послевоенном мире не ослабло после завершения боевых действий на фронтах Второй мировой войны. Через несколько месяцев после капитуляции Японии, 19 декабря 1945 г., Трумэн в послании к Конгрессу заявил: “Нравится ли это нам или нет, мы все должны признать, что победа, которую мы одержали, возложила на американский народ постоянное бремя ответственности за руководство миром”⁶⁵. Ключевое значение для реализации концепции “единого мира” имело плавное преодоление переходного периода от состояния войны к мирной жизни, что, в первую очередь, предполагало наличие определенной стабильности в мире и сохранение известного контроля над происходящими событиями. Однако послевоенная ситуация мало соответствовала той, которую рисовали себе в Вашингтоне в годы войны, что потребовало от американского руководства изменения стратегии. Международные отношения первых послевоенных лет отличались, с одной стороны, стремлением продолжать сотрудничество периода

⁶⁰ Поздеева Л.В. Англо-американские отношения в годы второй мировой войны 1941–1945. М., 1969, с. 155; Ryan H.B. Op. cit., p. 55.

⁶¹ Eden A. Op. cit., p. 432.

⁶² Kennan G.F. Russia and the West under Lenin and Stalin. New York, 1961, p. 339.

⁶³ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945. Документы и материалы, в 2-х т. М., 1983, т. 1, с. 192–197.

⁶⁴ FRUS, 1944, v. 4, p. 951.

⁶⁵ U.S. Congress. Congressional Record: Proceedings and Debates of the 79th Congress. First Session, v. 91, pt. 12 (June 11, 1945 to October 11, 1945). Washington, DC, 1945, p. 12398–12399.

войны, а с другой, – усилением разногласий между бывшими союзниками, прежде всего между СССР и США.

Несмотря на изменение международной ситуации и осложнение внутривнутриполитической обстановки в стране, администрация Трумэна продолжила попытки претворения в жизнь “великого замысла” Рузвельта, особенно в области экономики. На ее долю выпала борьба за ратификацию Конгрессом и введение в действие достигнутых в Бреттон-Вудс соглашений, принуждение Великобритании и других стран принять их условия и дополнить их другими механизмами. Дополненные в 1948 г. Генеральным соглашением по тарифам и торговле бреттон-вудские соглашения не только облегчали американскому бизнесу проникновение на зарубежные рынки и выполнение Вашингтонских своих финансовых обязательств по военным и иным программам за границей, но и наделяли США немалыми возможностями влияния на макроэкономические параметры других стран. В условиях “холодной войны” либерализация торговли, контроль за кредитно-валютной сферой, абсолютное превосходство в производственной и научно-технической областях служили мощными инструментами консолидации “свободного мира” вокруг США. Как отмечал один из основателей современной американской школы международной политической экономики Р. Гилпин, “способность гегемона проявить свою мощь посредством механизма экономической взаимозависимости представляет один из способов управления мировой экономикой”, и за счет этого влияния на политическую линию поведения других государств⁶⁶.

Несмотря на внешний идеализм концепции “единого мира” в основных своих элементах, она во многом базировалась на теориях, уже проверенных временем. Идея создания международной организации, близкой по своей роли к мировому правительству, активно обсуждалась еще на рубеже веков. В возможности существования международной валютной системы убеждало успешное функционирование в XIX – начале XX в. системы, основанной на фунте стерлингов, которая пережила в начале 30-х годов XX в. отмену золотого стандарта и потеряла свое значение только с ослаблением Англии в годы войны. Новым в рузвельтовской схеме стало объединение известных уже элементов в общую концепцию, представлявшую каркас нового мирового порядка. Подлинное значение так никогда и не реализованной в полном объеме концепции “единого мира” состоит в том, что она явилась своеобразным трамплином, посредством которого США совершили качественный скачок от традиционного экспансионизма к новой глобальной роли. В этом они преуспели, если не в форме “единого мира”, который включал СССР, то в форме более позднего “свободного мира” без участия Советского Союза.

⁶⁶ *Gilpin R. The Political Economy of International Relations. Princeton (NJ), 1987, p. 76.*